стью исключает использование жизненных впечатлений. Автор только как бы проверяет романический сюжет (вымысел) на достоверность, соотнося его с историей реального человека.

Сочетание литературного и жизненного определяет и принципы повествования о любовных переживаниях героев. Для романов середины XVIII в., как переводных, так и оригинальных, характерна невыявленность эмоциональной сферы любовных отношений героев — описание чувств обычно сводится к традиционным знакам. Литературная традиция используется и в «Несчастном Никаноре», автор которого был, очевидно, начитанным человеком: реминисценции ощутимы и в фольклорной поэтике первой части, и в описании галантного разговора Никанора с Елеонорой, и в эпизоде угощения героя яблоком с «райского» дерева; наконец, несомненна связь образа Елеоноры с образом «мудрой девы». С освоением поэтической традиции XVIII в. связан такой пассаж в рассказе героя: «Думаю, что не столь много действием своим перемещались в целом лете дышущая в моря ветры, и облаки не столько летая из края в край в подсолнечной обращениев своих имели, сколько волновались тогда мысли мои различными расположениями переходя из одного в другое» (II, 20—21). К литературной традиции восходят высокопарные монологи и бурные излияния чувств героев.

Однако в условный мир любви врывается живое человеческое чувство, придающее удивительную достоверность повествованию и свидетельствующее о знании автором человеческой психологии: любуясь спящей девушкой, Никанор целует «прелестной и чистейшим облакам подобной ея висок» (I, 68); перейдя границу и чувствуя себя уже в безопасности, он надевает перед сном кольцо с дарственной надписью Анете, словно желая быть ближе к любимой, и т. д.

Вместе с тем уже в первой части выявляется принципиальная несовместимость условного литературного сюжета с реальным жизненным опытом. Возможно, поэтому во второй части, рассказывающей о безуспешных попытках Никанора соединиться с Анетой, условная стихия полностью вытесняется историческим (может быть, биографическим) материалом. Герой встречается с реальными людьми, чьи фамилии и должности указываются в тексте. Повествование начинает походить на дневник, мемуары; традиционный литературный элемент минимален. И если первая часть представляет собой «романизацию жизни» (термин В. В. Сиповского),[25] то во второй книге происходит мемуаризация романа, причем настолько интенсивная, что выделить в ней традиционный литературный элемент или вымысел почти невозможно. В этом контексте даже вставная и явно литературного происхождения история несчастной женщины, насильно выданной замуж за старика, производит впечатление предельно достоверной.

---

[25] *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 1. С. 672.